

ТАТЬЯНА Воронцова

Всё, что
дозволено
небесами

18+

Татьяна Воронцова

Все, что дозволено небесами

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/63061601>

АСТ; Москва;

ISBN 1

Аннотация

<p>Где грань между верностью и предательством, между правдой и ложью? Чем можно пожертвовать ради достижения цели? Многоходовые хитроумные интриги порой запускают цепочки событий, абсолютно непредсказуемых, мучительных для всех участников, в том числе для самого интригана. Кто мог подумать, что малоизвестный кабинетный учёный способен на коварные козни, способные завести в такие дебри, из которых, практически нет выхода? История поиска легендарных сокровищ в подземном святилище языческого бога получает неожиданную развязку. Искушение и соблазны, вечное столкновение свободы и необходимости... Каждый сам находит ответ. Правильных решений не существует...</p>

Содержание

1	4
2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Татьяна Воронцова

Всё, что дозволено небесами

1

Встречая гостей или просителей, которых время от времени приводили Аркадий и Александр, Нора пыталась представить – хотя и понимала, что занимается ерундой, – каким они видят этот дом. Старый дом с новыми обитателями.

Поднявшись по ступеням резного деревянного крыльца, друзья хозяев и гости попадают в небольшой тамбур, где стоит длинная лавка, накрытая ковриком, на которую можно присесть, чтобы снять грязную обувь. Крючки для верхней одежды, полка для головных уборов – все как положено. Но это помещение не отапливается, просто служит тепловым шлюзом между жильем и улицей, поэтому здесь лучше не задерживаться, по крайней мере зимой. Вот прихожая, имеющая гораздо большую площадь, уже отапливается и выглядит, благодаря стараниям Германа и Леонида, ничуть не хуже холлов современных городских квартир. Пол, выложенный керамогранитом, обшитые деревянными панелями стены, большой шкаф для одежды, двухъярусная подставка для

обуви. Яркий свет галогеновых ламп.

Выпутавшись из своих шуб, тулупов, шапок-ушанок, платков и рукавиц, посетители проходят в гостиную. Там их усаживают в кресла и предлагают на выбор: горячий чай с пряниками, пиво или водку с незамысловатой закуской. Делает это почти всегда Нора. Ее они видят первой и – кто робко, исподтишка, кто с наивным любопытством дикаря или отшельника, – разглядывают, сравнивают, оценивают.

Все знают, конечно, что она не местная, что живет как жена с хозяином этого дома Германом Вербицким, архитектором, работающим на архипелаге в составе команды реставраторов и время от времени оказывающим услуги следователю из Архангельска Александру Аверкиеву. Весьма специфические услуги. Отыскать потерянное, обнаружить скрытое, разгадать зашифрованное... Знают и то, что под этой же крышей проживает еще одна пара, очень странная пара. Высокий блондин атлетического сложения, каждое утро прыгающий и кувыркаяющийся на утоптанном снегу за домом в тренировочных штанах и футболке навывпуск, и его рыжеволосая подруга, никогда не появляющаяся в поселке одна. Оба до минувшей осени были пациентами Аркадия Шадрина, доктора-нарколога, владельца и управляющего реабилитационного центра, расположенного неподалеку от рыбаковецкого поселка Новая Сосновка на севере острова. В этом центре, который чаще называют фермой, Нора работает до сих пор, помогая супруге Аркадия вести хозяйство. И

не только. Дело в том, что супруга Аркадия приходится ей младшей сестрой. По ее приглашению летом пошлого года Нора приехала на Большой Соловецкий остров. Приехала и осталась – как поступила несколько лет назад и сама Лера.

После того, как визитеры выпивают первую чашку чая или что там выбрали из предложенного, со второго этажа спускается Герман. И начинается самое интересное. Да-да, людям многое известно о нем, но одно дело слушать сплетни, наблюдая со стороны, и совсем другое – общаться лично, на короткой дистанции. Сидеть в одном из квадратных кресел, обитых жемчужно-серым синтетическим велюром, встречаться взглядом с человеком, ради встречи с которым явились сюда, излагать суть проблемы, отвечать на вопросы, задавать вопросы, с напряженной улыбкой благодарить за угощение... гадать про себя, сможет ли он помочь, а главное, захочет ли.

На этот раз все обещало развиваться по стандартному сценарию. Гость был один, его привел Александр. Среднего роста полноватый мужчина лет сорока в черных шерстяных брюках и твидовом пиджаке поверх голубой рубашки, он удобно расположился в кресле, мило побеседовал с Норой о погоде, восхитился интерьером гостиной, поблагодарил за чай и откинулся на спинку кресла, сложив на животе ухоженные руки человека, не привыкшего к физическому труду. Тусклые глаза, редкие прилизанные волосы и поблескивающая – возможно, от волнения – кожа делали его похожим

на только что выловленную рыбу. В остальном вполне обычный тип.

Герман уже спускался по лестнице со сложенной газетой под мышкой. Заметив, что Нора смотрит на него, подмигнул левым глазом и тут же придал своему подвижному лицу нейтрально-доброжелательное выражение, предназначенное гостю.

– Здравствуйте. – Проходя мимо журнального столика, он бросил на него газету, окинул быстрым взглядом сначала гостя, потом Александра и уселся в кресло напротив, спиной к окну. – Вы хотели меня видеть?

– Да. – Гость поерзал в кресле. – Могу я называть вас Герман? – Ободренный кивком, он набрал в легкие воздуха и продолжил: – Меня зовут Антон. Литвак Антон Максимович. В настоящее время я работаю над монографией, посвященной обрядам и верованиям народов Севера. Ходят слухи... Или лучше сказать, имеется информация... – Антон Большая Рыба неожиданно разволновался. До хруста костяшек стиснул сплетенные пальцы. Кашлянул. – Извините, Герман. Я представлял вас иначе.

Тот слегка повел плечом, пристально глядя на собеседника.

– Какое это имеет значение? Вы ведь пришли по делу, не так ли?

– Да. Но у вас очень примечательная внешность. Вам это известно?

– Смещение кровей порой дает причудливые результаты.

Четкие заостренные черты лица, будто изваянные тончайшим резцом, очень светлая кожа, с которой к марту месяцу сошел весь летний загар, очень темные волосы. И зеленые глаза. Воистину причудливый результат. Одетый в темно-синие джинсы и черную рубашку с закатанными до локтей рукавами, Герман выглядел потрясающе. С точки зрения женщины, разумеется. Что там себе думал гость, оставалось загадкой.

– Так вот. – Литвак взял себя в руки. – Изучая некоторые вопросы, которые было бы полезно рассмотреть в монографии, я обнаружил, что нуждаюсь в помощи, подсказке знающего человека, возможно, своими глазами видевшего недавно открытые святилища или артефакты...

Герман перевел взгляд на Александра.

– Антон Максимович – географ, историк, этнограф, – сообщил тот, – автор нескольких книг, изданных Российской Академией наук. Можешь обратиться к интернету.

– Какой же помощи вы ожидаете от меня? – поинтересовался Герман. – Я не ученый. Я архитектор. Ну и немного художник. Пара картин в прошлом году была продана на международной выставке в Бельгию, в частную коллекцию.

– Вы видели подземный комплекс, ныне недоступный для осмотра, – тихо сказал Литвак. – Комплекс, сообщаемый с гидросистемой монастыря. Вы открыли его.

Герман опять посмотрел на Александра.

Тот досадливо поморщился.

– Это ни для кого не секрет.

– Я понимаю, Герман, что с этим местом у вас связаны не самые приятные воспоминания, – рискнул продолжить Литвак. – Эпилептический припадок, повлекший за собой гибель одного из ваших спутников... наверное, это было страшное зрелище... но у меня к вам всего два вопроса, которые, кстати, интересуют и Александра Васильевича. – Голос его стал почти шелковым. – Надеюсь, вы не откажете нам.

Его манера злоупотреблять вопросительными интонациями уже порядком раздражала Нору, но она по-прежнему сидела с любезной улыбкой, приклеенной к губам.

– Спрашивайте, – сказал Герман.

– Как вы думаете, куда подевались кости и черепа из колодца, находящегося посреди большого зала со свастикой, выбитой на камнях пола, и замаскированным входом в алтарную часть? Если я правильно понял, во время первого визита вы их видели, а позже, когда привели туда группу из местных археологов и сотрудников полиции, уже нет.

Лицо Германа осталось бесстрастным.

– Думаю, они провалились вниз.

– Вниз? – озадаченно переспросил Литвак.

– Ну да, в яму или трещину на дне колодца.

– Как же она появилась?

– Колебания земной коры. Сдвиг тектонических плит. Не

знаю. – Герман развел руками. – Я не геолог.

– А где вы нашли тот свиток, который передали профессору Ледогорову?

Ровные темные брови чуть дрогнули, но не приподнялись. Герман контролировал свою мимику.

– Если вы говорили с Ледогоровым о свитке, то должны знать, где я его нашел. Я все ему рассказал.

– Я говорил не с Ледогоровым. Я говорил с младшим Варданяном.

Пауза. Скучающий взгляд из-под длинных черных ресниц.

– Насколько мне известно, Самвел Варданян в начале зимы уехал с архипелага.

– Да-да, – подтвердил Литвак, – он уехал. В Москву, где проживает его мать. Но я связался с ним и попросил встречи.

– Ясно.

Герман переменил позу: откинулся на спинку кресла и положил ногу на ногу. Пальцы его левой руки – изящные, сильные пальцы метателя ножей – удобно легли на подлокотник.

– Он сообщил мне, что во время первого посещения подземного комплекса вы вынесли оттуда один или несколько предметов. Никто не знает сколько. Может быть, только этот свиток. Позже вы передали свиток Ледогорову, а он, то есть Самвел Варданян, вместе со своими сообщниками выкрал его из профессорского дома, воспользовавшись отсутствием хозяина. Да, он в этом признался. А также в том, что вернул

вам свиток перед тем, как вы дали согласие провести через лабиринт к святилищу его и покойного Глеба Зимина. Сейчас свиток у Ледогорова. Вы сразу сказали, что собираетесь вновь отвезти его старику, и отвезли. Но Ледогоров отказался говорить со мной.

– Вот как? – хмыкнул Герман.

– К моему великому сожалению... А вы согласились бы говорить со мной на эту тему, если бы меня не сопровождал Александр Васильевич?

– Нет.

– Вот видите. – Литвак вздохнул. – Хотя вы и так ничего по существу не сказали.

– Вы же не хотите, чтобы я сочинял для вас небылицы.

– Нет, конечно!

– Я в самом деле не знаю, что там было, на дне этого колодца. Он чертовски глубокий. Может, археологам в конце концов и удалось бы измерить его глубину, но по распоряжению наместника и игумена Соловецкого монастыря работы были приостановлены.

Воцарилось молчание.

Случайно бросив взгляд за спину гостя, Нора увидела, что на нижней ступеньке лестницы, ведущей на второй этаж, сидит Марго. Она спустилась бесшумно и незаметно. Бледный овал лица, распущенные по плечам длинные рыжие волосы, свесившаяся до самых ступеней бахрама сине-голубой шерстяной шали... Чувствуя необъяснимое волнение, Нора

отвернулась. Марго крайне редко появлялась в гостиной во время приема посетителей. Что привело ее сейчас?

– Хорошо. Спасибо. – Литвак снова вздохнул. – Текст на свитке удалось расшифровать?

– Профессор Ледогоров работает над этим.

– То есть, содержание его до сих пор неизвестно? И даже нет никаких предположений на этот счет?

– Предположения есть. Возможно, это обращение к бо-
жеству, с которым устанавливал контакт верховный жрец во
время мистерий. Или текст коллективной молитвы.

– Божеству? – тихо переспросил Литвак. – Какому боже-
ству?

– Древнему языческому божеству, очевидно, – пожал пле-
чами Герман. – Для поклонения ему и был возведен этот под-
земный комплекс.

– У него есть имя?

– Да, но произносить его всуе я не стану. И вам не советую.

Впервые в голосе Германа прозвенел металл. Литвак это заметил и обезоруживающе улыбнулся. Он не хотел, чтобы его выставили из дома раньше, чем будут перепробованы все доступные ему способы получения интересующей информации.

– Понимаю. Так где вы нашли свиток?

Несколько секунд Герман разглядывал его из-под полу-
прикрытых век.

– Я нашел его в Пещере Костей.

– Вы имеете в виду зал с колодцем?

– Да.

– Как же это было? Он просто лежал там и ждал вас?

– Меня или такого, как я. – Герман тоже улыбнулся. – Как только Ледогоров закончит работу над текстом, я вас известую.

Вроде бы он расставил все точки над «ё». Но Литвак не желал сдаваться.

– Позвольте еще вопрос. Самвел Варданян рассказал, что в большом зале, где установлен алтарь и где скончался Глеб Зимин, есть дверь, ведущая предположительно в сокровищницу братства... или ордена... не знаю, как следует называть этих людей. И прежде чем покинуть подземелье, вы обезвредили механизм, изувечивший Зимина, благодаря чему ваш друг Леонид Кольцов сумел отпереть ее. Но почему-то не решился открыть. Со своего места Самвел не разглядел, что в точности вы сделали, но видел, как вы подошли к нишам, выдолбленным в стене, и вынули из одной каменную фигурку, которую, вероятно, использовали для того, чтобы заблокировать нож. По его словам, ниш там довольно много, несколько рядов, и в каждой находится оригинальная фигурка, не похожая на другие. Много ниш, много разных фигурок, но вы безошибочно выбрали ту, что послужила вашей цели. Как вам это удалось?

– Мне сказали, – Герман покосился на Александра, – что вы автор нескольких книг, изданных Российской Академией

наук. Стало быть, у вас имеются знания по предмету, которому эти книги посвящены. Но если бы вам вздумалось поделиться этими знаниями со мной, мы просидели бы здесь долго, очень долго. В подземном комплексе я столкнулся с головоломкой и разгадал ее. Но если бы сейчас пустился в объяснения...

– Кстати, – вступил в разговор Александр. – Почему Леонид передумал? Почему решил не осматривать помещение за дверью-ловушкой?

– Потому что догадался, что никакая это не сокровищница.

– Нет? – удивился Литвак. – А что же?

– Зал для проведения заключительных этапов церемонии посвящения. Туда допускались только иницилирующие жрецы и неофиты.

– И Леонид решил, что у него нет права даже заглядывать в этот зал?

– Да.

– Но вы заглядывали, – утвердительно произнес Литвак, не спуская глаз с лица Германа.

– Заглядывал, – спокойно отозвался тот. – И даже заходил.

Нора ждала вопроса «почему?», но оба – и гость, и Александр, – молчали.

– Можно узнать, что вы там увидели? – после долгой паузы спросил Литвак.

Медленно Герман протянул руку и взял с журнального

столика пачку сигарет. Вытряхнул одну, прикусил зубами. Это придало ему неотразимо хищный вид. Мужчины с превеликим вниманием наблюдали за ним, будто он проводил в их присутствии опасный магический ритуал. Нора наблюдала за гостем.

– Пустой саркофаг без крышки, – ответил Герман после того, как сделал первую затяжку и сцедил тонкой струйкой дым.

– И больше ничего?

– Больше ничего.

– Что же дало вам основания полагать, что это зал для посвящения?

– Его расположение в подземном комплексе... некоторые детали... – Герман едва заметно повел плечом. – Знаете, как работает интуиция?

– Думаю, да, – кивнул Литвак со снисходительной улыбкой.

– Тогда вы должны понимать, почему некоторые ваши вопросы вызывают у меня затруднения. Интуитивное знание человек получает моментально и в полном объеме. Какой-то путь его мысль, безусловно, проходит, но проследить этот путь практически нереально.

Литвак вопросительно взглянул на Александра. Тот развел руками.

– Еще чаю? – ангельским голосом предложила Нора.

От чая все решительно отказались. Она уж было подума-

да, что сейчас дорогие гости начнут прощаться, но Литвак придумал новый вопрос:

– Там были какие-нибудь письма или рисунки?

– Да. На стенках саркофага.

– Вы не сфотографировали их?

– Нет. Все равно приличного качества смартфоном не получить.

– Жаль. – Литвак тяжело вздохнул. – Я надеялся услышать чуть больше. Но спасибо и на этом. – Он вздохнул еще раз. – Возможно, этот уникальный памятник все же откроют спустя время. Если не для туристов, то хотя бы для археологов.

Герман промолчал.

– Вы не разделяете моих чаяний? – поинтересовался Литвак, выбираясь из кресла.

– Нет. – Герман тоже встал. – Я считаю, что археологам там делать нечего. Не говоря о туристах.

– Но почему?

– Потому что мы говорим о сооружении, передвигаться по которому следует с величайшей осторожностью, зная и соблюдая правила техники безопасности. А правила эти известны немногим. Мне известны. И любознательные археологи, или геологи, или другие умные головы, получив разрешение на спуск в лабиринт, непременно начнут досаждать мне просьбами. Им захочется, чтобы я их сопровождал, обучал... Нет-нет, пусть этот объект остается закрытым.

– Вы потеряли к нему интерес?

Герман посмотрел ему в глаза.

– Я видел достаточно.

Александр ушел вместе с гостем, но через полчаса вернулся. Все, за исключением Леонида, пили кофе на кухне. Занавески были раздвинуты, в окно светило яркое мартовское солнышко, и ослепительно белые сугробы во дворе казались присыпанными зеркальной крошкой.

Подождав, пока он вымоет руки и усядется за стол, Нора налила ему большую кружку горячего черного кофе и придвинула тарелку с куском брусничного пирога.

– Спасибо. – Александр сделал небольшой глоток, блаженно зажмурился. – То, что надо.

– Где ты взял этого чудака? – поинтересовался Герман, расправляясь со своей порцией.

– Он сам меня нашел. По прибытии на остров первым делом обратился к Поташеву. Тот сказал, что с этими делами лучше к тебе, но ты пошлешь его к чертовой матери, если доктор Шадрин или следователь Аверкиев не замолвят за тебя словечко.

Олег Поташев руководил раскопками на территории кремля и в окрестностях. Этого крупного, шумного мужчину с вечно растрепанными волосами Нора видела неоднократно, но общаться с ним ей не довелось.

– И что же Литвак?

– Явился к Аркадию, когда тот дежурил в больнице, и начал напрашиваться на знакомство с тобой, но Аркадий ему

отказал. Тогда он пришел ко мне.

– О! – В глазах Германа блеснуло любопытство. – А ты почему не отказал?

– Я легавый, – улыбнулся Александр. – И решил, что человека, проявляющего столь жадный интерес к нашему объекту, стоит держать в поле зрения. Пообщаться с ним в неформальной обстановке. Послушать, какие вопросы он будет задавать, как реагировать на ответы. Ты, конечно, не думаешь, что он поверил тебе?

– Нет.

– Вы хотите сказать, он ушел в полной уверенности, что за дверью с секретом припрятано золотишко? – уточнила Нора.

– Мы не знаем что у него в голове, но предполагаем именно это, – ответил Герман, любитель точных формулировок.

Нора взглянула на сидящую молча Марго.

– Его привело не только желание узнать как можно больше о святилище, – тихо заговорила рыжая ведьма. – Все это не более чем мои ощущения, но... – Она повернулась к Герману. – Он долго откладывал встречу с тобой, долго к ней готовился. Встречался с Варданяном, пытался встретиться с Ледогоровым. Наверняка его интересовало, кто еще, кроме тебя, может спуститься в подземелье, дойти до Пещеры Костей, не заблудившись в лабиринте, отыскать вход в святая святых, где расположен алтарь, и открыть дверь-ловушку. Поскольку он говорил с Варданяном, свидетелем твоих манипуляций с идолом и дверью, теперь ему известно, что

сделать это можешь только ты.

– Не только он, – заметил Леонид, появляясь в проеме двери. – Я тоже могу. Ведь я стоял рядом.

Все, точно по команде, повернули головы и уставились на него. Он был, как всегда, великолепен: правильные черты лица, густые светлые волосы, фигура бога-олимпийца. Белая майка, обтягивающая стройное тело, давала возможность полюбоваться рельефом мышц.

– Ты мог ничего не запомнить, – подумав, сказал Александр. – Или запомнить не все.

– Давайте исходить из худшего. Я все запомнил.

– Вы опасаетесь, – медленно произнесла Нора, чувствуя неприятный холодок в груди, – что этот человек не ученый, а кладоискатель?

– Одно другому не мешает, – откликнулся Леонид. – Написать очередную книгу и заодно пожить. Почему нет?

– В моей голове это не совмещается.

– Но, возможно, совмещается в голове Литвака.

Леонид прошел к столу, наклонился на минутку, чтобы поцеловать Марго, и сел на свободный стул. Посмотрел на пирог, нарезанный аппетитными треугольниками на большом керамическом блюде, на миску с творогом и черносливом, на дымящийся кофейник...

– Сиди, – сказала Марго. И встала сама, чтобы достать для него из буфета кружку и тарелку. – Как там на улице? Холодно? Ветер сильный?

– Так же, как вчера, – проворчал Леонид. – Не съезжай с темы.

– А что еще ты хочешь услышать?

– Ты почуяла алчность за фасадом исследовательского интереса?

Марго немного помолчала. Заправила за ухо длинную прядь темно-рыжих волос.

– Не знаю, алчность или нет, но... – Подняв голову, встретила внимательный взгляд Германа и закончила: – Он пришел, чтобы узнать, как добраться живым и невредимым до того помещения, которое ты назвал залом для инициаций. Не только услышать твой рассказ о том, что ты там увидел, и описать в своей книге, но и постараться туда попасть.

– Да, я помню его вопросы, – кивнул тот.

– Но объект закрыт, – пробормотала Нора.

– Что если ему известно о существовании еще одного входа? – спросил, прожевав пирог, Леонид. И тоже взглянул на Германа. – Помнишь, ты говорил, что подобные сооружения часто имеют несколько входов и выходов. Больше двух. Но мы нашли только один – через склеп на старом монастырском кладбище. Пролом в стене, соединяющей Второй Лабиринт с гидросистемой монастыря, вряд ли можно считать входом.

– Мы нашли два, – поправил его Герман. – Еще через подвалы Новобратского корпуса. Сейчас, конечно, все заложено кирпичом и завалено диким камнем – и дверной проем

между подвалом и коридором, ведущим в подземный лабиринт, и шурф, через который мы последний раз спускались, – но мы же знаем, что во времена игумена Варлаама и позже этим путем в лабиринт попадали всевозможные искатели приключений, в том числе монахи.

– Хорошо, мы нашли два. Но наверняка есть и другие. Может, наш утренний гость только прикидывается, что впервые услышал о подземном святилище прошлой осенью, когда поиски Андрея Калягина, пропавшего в гидросистеме, привели тебя к разрушенной стене. Может, он знал о нем давно, как знали коллеги Ледогорова. Знали, что оно где-то поблизости, но не знали, где именно. Как многие другие до и после них... Засада в том, что, даже стоя перед входом в эти катакомбы и точно зная, что это он и есть, очень трудно заставить себя войти. Осенью мы в этом убедились.

– Да, войти без проводника решится не каждый, – задумчиво подтвердил Александр.

– Я больше никого туда не поведу, – после паузы твердо произнес Герман. И увидев насмешливую улыбку Леонида, добавил: – Во всяком случае, по доброй воле.

– Никогда не говори «никогда».

Теперь они ухмылялись на пару: и Леонид, и Александр. Нора почувствовала, как в ней закипает злость. И одновременно – отчаяние.

– Что, опять? Этого только не хватало!

Перед глазами вновь возникла жуткая картина, которая

преследовала ее чуть ли не до Рождества и которую она надеялась больше никогда не увидеть. Никогда – ни наяву, ни во сне.

Лесная дорога, сумерки, туман. Бледное лицо сидящей возле костра Марго, пляска огненных бликов в расширенных зрачках. Шевелящиеся губы, чуть слышный шепот: «Что-то случилось у них там...» И чуть погодя голос, охрипший от волнения: «Вызывайте спасателей. Пожалуйста, поторопитесь. Это серьезно!» Недоверчивые взгляды мужчин, которым поручено охранять подруг Германа и Леонида, пока сами они сопровождают охотников за сокровищами к алтарю. «Ты хочешь, чтобы мы поверили в то, что ты, сидя здесь, знаешь что происходит там?» Ствол охотничьего ружья, нацеленного в лицо рыжей ведьмы. «Сиди смирно, поняла?»

Нору пробрала дрожь.

– Не паникуй, – мягко проговорил наблюдающий за ней Герман. – Еще ведь ничего не случилось.

– Но вы уже обсуждаете существование других входов в эти чертовы катакомбы! Я с вами с ума сойду. – Сделав глубокий вдох, она на несколько секунд задержала дыхание, затем медленно выдохнула. Покачала головой. – Неужели нельзя хоть немного пожить спокойно? Безо всяких...

– Ты целых полгода жила спокойно, – заметил Леонид.

– Целых! – возмущенно повторила она.

– И признайся, – добавил Герман, – последние две недели было скучновато. Если бы Сашка не привел к нам этого пи-

сателя, чем бы ты сейчас занималась? Вязала шарфик?

Александр дипломатично молчал.

Глядя на него, Нора часто вспоминала описание Сола Пензера, непревзойденного сыщика из детективных романов Рекса Стаута: невзрачный человечек с огромным носом, в кепке, надвинутой на глаза, на которого при встрече вы не обратили бы никакого внимания, но который, мельком взглянув в вашу сторону, запомнил бы вас навсегда. С носом у Александра было все в порядке, но он тоже выглядел так, что посторонним людям и в голову не приходило заподозрить в нем опытного детектива. Такого же роста, как Герман, под метр девяносто, Александр имел внешность добродушного сельского учителя, который при случае мог и дров нарубить, и на тракторе прокатить. А между делом проверить стопку контрольных работ по математике. Несмотря на все, что они пережили вместе минувшим летом, Нора до сих пор не понимала, насколько Герман доверяет ему.

– Ты можешь позвонить Ледогорову, – подумав, сказала она. – И спросить, что он знает об этом Литваке и почему отказался с ним встречаться.

– Могу, – откликнулся Герман. – Но, думаю, если бы у него был на Литвака какой-нибудь компромат, он первый позвонил бы мне и предупредил.

– Позвони ради моего спокойствия.

– Ладно.

По тону его было ясно, что он не намерен продолжать раз-

говор. Что ж, на данном этапе ей было довольно его обещания позвонить профессору.

За последние полгода Герман очень сблизился со стариком, они постоянно переписывались по электронной почте и раз в неделю обязательно созванивались. Трижды Герман, дождавшись хорошей погоды, летал на материк и зависал у профессора на несколько дней. Чем они там занимались, что обсуждали, Нора примерно представляла.

При первой же встрече Ледогоров, как и Литвак, обратил внимание на его внешность: на форму черепа, черты лица, цвет глаз и волос. Поинтересовался, что он знает о своем происхождении, о родителях родителей и прочих членах семьи. Герман не дал внятного ответа на этот вопрос, но согласился предоставить свои антропометрические данные. Через некоторое время профессор с триумфом объявил, что с помощью одного из старых друзей, проживающего во Франции и занимающегося генеалогическими исследованиями и составлением родословных, отыскал в европейских архивах следы его предков, принадлежащих к знатному древнему роду. Королевскому, не больше и не меньше.

Если бы он был первым, кто сделал такое заявление, Нора пожалала бы плечами и забыла, тем более что сам Герман никогда не говорил о своей семье. Но он был не первым. Летом несколько многозначительных фраз о происхождении Германа обронил Андрей Кольцов, ныне покойный отец Леонида. Как там он выразился, сидя напротив Аркадия за столи-

ком в «Кают-компани»...

Этот щенок имеет такую родословную, какой могут позавидовать представители лучших монарших домов Европы. Вам об этом известно? Я занимался вопросом, собирал информацию о нем.

На что Аркадий ответил: «Я тоже занимался вопросом, представь себе».

Их всех беспокоила непохожесть Германа на других людей, его слишком очевидная инаковость. Нору это тоже беспокоило. Поначалу. Но постепенно она привыкла и даже почувствовала некоторую гордость. Ведь он подпустил ее так близко... Ближе, чем она рассчитывала подойти.

Кутаясь в теплую пуховую шаль, она стояла на застекленной веранде и смотрела, как Марго, в джинсах, свитере и валенках на босу ногу выбивает коврики на заднем дворе.

Дурной знак. Нора отлично знала, что рыжая, в отличие от своего возлюбленного, не питает особого пристрастия к физическим упражнениям на морозе, и когда ее разбирает повыбивать коврики из спален, можно быть уверенным: ей не по себе. Чует неладное.

Высокая, тонкая, длинноногая, Марго ловко раскатывала на чистом снегу один коврик за другим, сверху тоже присыпала снегом, а затем кружила рядом, энергично орудуя то хлопущкой, то веником. Был полный штиль, поэтому она обходилась без головного убора. Собранные в хвост рыжие во-

лосы отливали темным золотом на солнце.

Несмотря на то, что зиму Нора в принципе не любила – слишком много одежды, шершавые руки, обветренное лицо, – зимние месяцы на Соловках оказались неожиданно приятными. Сияющий перевозданной чистотой, искрящийся на солнце снег. Величавый покой свободного от туристов Спасо-Преображенского монастыря. Исполинские стены и башни, подсвеченные разноцветными прожекторами. А северные сияния! Ей давно хотелось посмотреть на северные сияния, и вот, впервые в жизни она оказалась в нужное время в нужном месте.

Воспоминания о том, как она стояла на берегу Святого озера, запрокинув голову, любуясь этой небесной вакханалией и изредка поглядывая на четкий, заостренный профиль стоящего рядом Германа, заставили ее улыбнуться.

Я же говорил, ты видела еще не все здешние чудеса.

Несколько раз они выбирались втроем на лыжную прогулку: Нора, Герман и Леонид. Было нереально здорово скользить по сверкающей лыжне, вдыхая свежий студеной воздух, и вдруг резко замереть под громадной сосной, наслаждаясь волшебным ощущением безвременья, междумирья... Марго такие вылазки не нравились, свободное от домашних дел время она предпочитала проводить в кресле с книгой.

Книги ей привозила с фермы Нора – иногда из библиотеки, расположенной в Первом корпусе, но чаще из личной библиотеки Аркадия и Леры. Лера не возражала. То, что та-

кая странная и дикая девушка как Марго, справившись с наркотической зависимостью, нашла себе семью, пусть тоже не совсем обычную, казалось ей чудом, достойным всяческого поощрения.

«Знаешь, у меня ведь нет нормального образования, – смущенно призналась Марго, передавая Норе первый список книг, которые хотела прочесть. – Сначала не было желания, потом не было возможности... Может, хоть сейчас удастся немного поумнеть».

«Образованный человек может быть круглым дураком, ты уж мне поверь, – с чувством сказала Нора. – И прямо перед собой ты видишь живой пример».

Мысли ее вернулись к утреннему гостю. Самый параноидальный сценарий заключался в том, что некие охотники за сокровищами наняли его для того, чтобы расспросить Германа, не вызывая подозрений. Антон Максимович Литвак – географ, историк, этнограф. Краткая биография есть в интернете. При желании можно скачать книги и статьи. Его интерес к подземному комплексу, о котором на сегодняшний день мало что неизвестно, вполне оправдан.

Он говорил с Варданяном. Что мог разболтать Самвел, трус и паникер? Он проработал довольно долго в составе группы археологов, занимающейся раскопками на территории Соловецкого архипелага, был знаком и с сотрудниками местного Научного архива, и с реставраторами, и с экскурсоводами, и с хозяйственниками, и бог знает с кем еще.

И он имел зуб на Германа. Точнее, мог иметь. У него была на то веская причина.

Собрать все сплетни, гуляющие по поселку, и слить тому, кто проявил интерес – почему нет? Нора не удивилась бы, узнав, что он так и сделал. Образ жизни Германа, его привычки и повадки всегда служили пищей для сплетен, а после того, как Александр стал привлекать его к расследованию особо мутных, даже загадочных, дел, его репутация погибла безвозвратно. Теперь при всем желании ему не удалось бы сойти за добропорядочного обывателя. На нем горела печать ведьмака. Нора собственными глазами видела, как женщины в поселке торопливо переходили на другую сторону улицы, стоило Герману появиться на горизонте. Переходили и отворачивались, стараясь не привлекать его внимания.

А ведь он не причинил вреда никому из местных жителей. Наоборот. Когда у Настасьи Ракитиной долго не выздоравливала двенадцатилетняя дочь, Герман, которого рискнул пригласить ее муж, поговорил с девочкой наедине, медленно обошел дом, затем вернулся в комнату, где лежала больная, и попросил мужчин семьи помочь ему немного отодвинуть от стены большой платяной шкаф. К задней стенке шкафа был приклеен скотчем маленький полотняный мешочек, защищенный со всех сторон. Настасья хотела заглянуть в него, но Герман не позволил. Он унес мешочек с собой, и с этого дня девочка пошла на поправку.

«У них гостила родственница, – нехотя пояснил Герман

в ответ на расспросы Норы. – И чем-то они ее обидели. Так и не поняли чем. Но она уехала с поджатыми губами, даже не попрощавшись. Несколько лет назад у родственницы этой при странных обстоятельствах скончался муж. Крепкий, здоровый парень. Сходил налево, от жены этот факт утаить не сумел и буквально через неделю отдал богу душу».

«То есть... ты хочешь сказать...»

Герман развел руками.

«А как ты догадался, где искать... ну, эту вещь?»

«Ты же знаешь, я чувствую энергетику места, назовем это так. Чувствую и могу производить изменения в этой сфере. Я всегда ее чувствовал, и в детстве, и в юности, но не умел пользоваться своим даром. Можно сказать, только здесь и научился».

Впервые он говорил так откровенно о своих необычных способностях.

Нечеловеческих.

«В виде чего к тебе пришло ощущение темной энергии от мешочка за шкафом? Может, название не совсем удачное, но я не могу придумать другого. На что это было похоже?»

«Трудно сказать, – не сразу ответил Герман, хмуря ровные темные брови. – Но точно не в виде черного облака или дымных щупалец каких-нибудь. Просто появилась уверенность, что надо пройти именно в тот угол комнаты и внимательно все осмотреть. Тут главное – настройка на место или человека. Когда дается чисто, без помех, войти в это живое

поле, все остальное уже не проблема. Львиная доля времени обычно уходит на настройку».

«Что же мешает?»

«Чаще всего эмоции присутствующих. Страх, злость, тревога, скепсис... не обязательно связанные со мной. Они создают чудовищные помехи. Иногда хочется рявкнуть: да заткнитесь же вы наконец! Но они, разумеется, не могут. Эмоции накрывают их с головой».

Можно было вспомнить и другие случаи. Жители архипелага сторонились Германа, но, оказываясь в затруднительном положении, преодолевали свою неприязнь и обращались к нему. Хотя неприязнь – не совсем правильное слово. Сила, которой он обладал, внушала им первобытный иррациональный ужас. Ужас перед шаманом чужого племени.

На острове Большая Муксалма, соединенном с Большим Соловецким каменной дамбой, неподалеку от заброшенного Сергиевского скита, жил в маленькой избушке старый нойда¹. Жил в полном одиночестве, общаясь только с рыбаками, которые привозили ему рыбу из собственного улова, а также хлеб и крупу из поселкового магазина. Прослышав о нем, Герман набрал целый рюкзак чая, сухофруктов, пирожков с

---

¹ Нойда (нойд, кебун) – название шамана у народа саамов (лопарей), проживающего на территориях Норвегии, Швеции, Финляндии и севера России. Автор книги «Русские лопари» Н.Н. Харузин писал: «Нойда – колдун-шаман – является обыкновенно и жрецом, и наоборот, жрец у древних лопарей является всегда шаманом и колдуном. Поэтому нельзя говорить о нойде-шамане, нойде-колдуне и нойде-жреце, а лишь о действиях нойды как шамана, как колдуна, как жреца».

мясом и капустой, испеченных Норой по рецепту Зинаиды, поварихи с фермы, и со всей этой благодатью заявился к старику.

Нойда не прогнал его, как прогонял последние годы всех незнакомцев, пригласил в дом и, с благодарностью приняв подношение, проговорил с ним до глубокой ночи.

«Он сказал, что на мне печать, – позже вспоминал Герман, лежа рядом с Норой. – И что бог, который прикоснулся ко мне, это бог мужчин. Суровый бог. Он подвергает испытаниям всех своих избранников».

«Что это значит?» – похолодев, спросила Нора.

«Ну, все эти вещи, которые мне приходилось делать здесь и на Анзере... – Герман тихонько хмыкнул. – Не сказать, что это тот образ жизни, к которому я привык».

Действительно. Тихое счастье зимних месяцев почти стерло из ее памяти кошмары середины лета и начала осени, когда Герман, то в одиночку, то с друзьями противостоял сначала наемникам Андрея Кольцова, вознамерившегося любой ценой разыскать и вернуть в Москву своего беглого сына Леонида Кольцова, у которого были совершенно другие планы, а потом – охотникам за мифическими сокровищами, якобы спрятанными в подземном святилище. Им угрожали, их шантажировали, в них даже стреляли! На предплечье правой руки Германа до сих пор был виден шрам от огнестрельного ранения.

Вспомнив, как доктор Шадрин извлекал чертову пулю,

Нора невольно вздрогнула. Но тут же расслабилась, потому что Герман, подошедший сзади, заключил ее в объятия. Наклонился. Поцеловал в висок.

– О чем задумалась?

Едва уловимый запах табака и моря, от которого у нее всегда кружилась голова. Его особенный, неповторимый запах.

– Вспомнила лето.

– Нашу незабываемую ночевку в Преображенской гостинице?

– Нашу незабываемую поездку на Анзер.

– Нашла что вспомнить.

Море? Может быть. А может, и нет. Что-то чистое и холодное, как сам Север.

– Я не хочу, чтобы это повторилось, Герман, – прошептала она, прижимаясь щекой к его щеке. – И то, что было позже... осенью.

– Я тоже не хочу.

– Мы сможем этого избежать?

– Постараемся.

Ей не хотелось спрашивать, звонил ли он Ледогорову, она надеялась, что он сам заговорит на эту тему, и Герман, словно прочитав ее мысли, со вздохом произнес:

– Сергей не сказал ничего определенного. Он не считает Литвака квалифицированным специалистом, но мошенником или шарлатаном тоже не может назвать. Не располагает порочащей его информацией. Встретаться с ним отказался,

так как не был уверен в том, что имеет право разглашать...

Он умолк, подыскивая слово.

– ...тайны древних? – подсказала Нора.

– И мои.

– Твои?

– Ну, ты же слышала вопросы, которые задавал Литвак. Как мне удалось одно, как мне удалось другое... Сергей предполагал, что услышит и эти вопросы среди прочих, ведь именно от меня он получил свиток с загадочными письмами, и не хотел отвечать на них.

– То есть, он решил оставить право выбора за тобой.

– Да. Он не сомневался в том, что Литвак найдет способ встретиться со мной, и тогда уж я сам составлю представление о нем и решу, во что его можно посвящать, во что нет.

– Марго встревожена. Мне это не нравится.

– Мне тоже.

Теперь они оба смотрели на стройную рыжеволосую девушку, которая изо всех сил колотила хлопучкой по коврику, взметая снежные облака.

– И что же делать?

Герман пожал плечами.

– Жить как жили, что же еще.

На две недели они, пусть не забыли о визите любознательного географа-историка-этнографа, но отложили его обсуждение. Затем их озадачил эпизод, который по горячим сле-

дам никому не пришло в голову связать с этим визитом, но, как выяснилось впоследствии, связь имелась, причем самая прямая.

Стоял чудесный весенний денек. Солнце не только светило, но и ощутимо пригревало, благодаря чему по всей округе – если не по всему острову, то в поселке уже самым явным образом, – начиналось таяние снега. Вдоль дорог струились блестящие ручьи. Под ногами хрустела ледяная крошка.

Ради такого случая Нора сняла с антресоли новые ботинки из коричневой кожи и завязала вокруг шеи подаренный сестрой сине-бело-голубой итальянский палантин из тонкой шерсти. Марго тоже слегка принарядилась, сменив длинную, ниже колен, дубленку с капюшоном на белую приталенную курточку, из-под которой виднелся воротник голубой кашемировой водолазки.

Смеясь и болтая, все четверо шли вдоль кремлевской стены к Архангельской башне, как вдруг Леонид, бросив взгляд налево, в сторону Святого озера, присвистнул от изумления.

– Это что еще такое?

Он замедлил шаг, потом остановился. Его примеру последовали остальные. Теперь все четверо смотрели на женскую фигурку на противоположном берегу озера.

Незнакомая женщина в темно-зеленой куртке и узких черных джинсах, заправленных в сапоги, снимала их большим фотоаппаратом, по виду профессиональным. В том, что именно они являются предметом ее интереса, ни у кого со-

мнений не возникало. Да, вокруг было что поснимать: башни и стены кремля, купола Спасо-Преображенского собора, постройки по берегам озера. Но она...

Леонид первый сказал:

– Она фотографирует нас.

А Марго добавила:

– Или одного из нас.

Покосившись на нее, Герман пробормотал «оставайтесь на месте», а сам прошел еще немного вперед. Объектив фотоаппарата перемещался вместе с ним. Он остановился, засунув руки в карманы расстегнутой куртки, пристально глядя в объектив, через который на него смотрели с противоположного берега. Постоял минуту или две и решительно двинулся в обход озера. Разгадав его намерения, шустрая туристка – если только это была туристка, а не журналистка, например, – быстренько убрала свою технику, сделала на прощание ручкой и бросилась бежать. Преследовать ее никто не стал.

– Можно поинтересоваться у Фадеева, он наверняка в курсе, – вяло предложил Леонид. – Кто такая, где живет...

Но Герман это предложение отверг. Участковый уполномоченный Фадеев был не тем человеком, с которым он любил поговорить за жизнь.

2

В двадцатых числах мая история получила продолжение.

Герман вышел из здания, где располагалась архитектурная мастерская, и тотчас к нему решительно направилась высокая светловолосая девушка, до этого со скучающим видом подпиравшая стену слева от крыльца. Под мышкой у нее была зажата папка формата А2 – такая, с какими обычно ходят чертежники и художники, – через плечо перекинута маленькая кожаная сумочка.

– Герман, прошу вас! Одну минутку. Вы мне очень нужны. – Подойдя, она протянула руку. – Здравствуйте! Меня зовут Дина.

– Здравствуйте, – произнес он, пожимая ее тонкую руку с длинными пальцами без колец. – Чем могу быть полезен?

Его томило смутное ощущение узнавания, но вспомнить, где и когда видел эту блондинку, он никак не мог.

– Я хочу вам кое-что показать. – Глядя на него в упор, девушка похлопала ладонью по своей папке. – Это не займет много времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.